

Пикник во Флоренции

Проза русских поэтов XIX века. Сост., подготовка текста и примеч. А. Л. Осповата.

М., "Советская Россия", 1982

OCR Бычков М. Н.

В одни из ворот города Флоренции выехала коляска с двумя путешественниками. Один был господин Синичкин, лет тридцати, бывший с каким-то поручением в Бельгии и, на обратном пути, по дороге заехавший в Италию. Другой был Горуни, приехавший нарочно в Италию, по своей надобности, господин вида мрачного, взора тусклого, лица бледного, волоса русого. С вида он был старше Синичкина, но это только так казалось при противоположности его физиономии с румяным, несколько полным, несколько счастливым лицом Синичкина, окаймленным венчиком бакенбард, сходящихся под подбородком.

-- Скажите, пожалуйста, мосье Горуни,-- спросил первый,-- мы едем на пикник, а ведь я не знаю, что это за пикник и кто там будет?

-- Порядочно я и сам не знаю. Устроил все Перуцци... будут,-- говорил он,-- кое-кто из итальянцев и дамы, тоже итальянки... он ручался, что будет весело.

-- А из наших-то, не знаете, кто будет?

-- Ну да вот вы, я, Тарнеев...

-- Вы знаете Тарнеева?

-- Я сошелся с ним здесь, за границей; впрочем, мы были знакомы и прежде.

-- Я как-то слышал эту фамилию по случаю одной истории в Мюнхене. Впрочем, это был, может быть, другой Тарнеев. Этот господин и еще какие-то в этом роде артисты сидели в трактире, пили и так, на радости, выбили стекла в окошках. Явился хозяин, завязался спор. Тарнеев вынул пистолет и порядочно припугнул почтенного трактирщика. Немец жаловался, и они заплатили... Впрочем, пистолет не был заряжен.

-- Я думаю, что это тот Тарнеев,-- произнес Горуни со вздохом.-- Я его очень люблю: в нем много прекрасного... но это же не обязывает меня быть слепым к его дурным качествам. Впрочем, он всегда говорил, что это просто право делать все, за что можешь заплатить. Он такие штуки и дома проделывал, и ему все счастливо сходило. Бывало, ни с того, ни с сего, ночью перебьет стекла по дачам... Его всегда вы могли видеть на железной дороге в веселой компании.

-- Но ведь все это ужасно дико!

-- Да, у него все выходит как-то дико, даже самые его прекрасные побуждения. Например, его что-нибудь заинтересует, вдруг припадет ему охота учиться; он накупит книг и зароется в них. Раз как-то он целые полгода пропадал -- что ж? Учился химии. Там он опять пропал, и оказалось, что он пошел странствовать с каким-то цыганским табором: жил в поле, в лесах, по ярмаркам ездил, воротился настоящим цыганом; даже физиономия у него тогда сделалась цыганская; выучился ковать лошадей, петь песни... даже ворожить...

-- А чай, и воровать,-- подумал Синичкин.-- Хорош молодец: ну, как этакой цыган выскочит за границу?...-- спросил он вслух.

-- Да он и здесь проявился. В Болонье вот что было. Мы приехали с ним и сидели в отеле. Вдруг слышим шум на улице. К нам вбегает хозяйка в отчаянье. За нею супруг ее, маленький, толстый, в фартуке. Он кричит, зовет гарсонов, велит жене запереть отель, гарсонам вооружиться и идти за ними. На улице выстрелы. Мы спрашиваем хозяина -- что такое? Итальянцы, разумеется, ни шагу без пафоса -- он гордо отвечает: *la patria mi chiama!* -- "отечество призывает!". Клянусь вам, несмотря на его квадратную фигуру, на огромный живот накрытый фартуком, он был велик в эту минуту: знаете, сколько энергии!..

-- Очень верю: итальянцы такие же превосходные актеры в жизни, сколько плохие на театре; очень понятно, там -- импровизация, здесь -- обдуманность... Что ж Тарнеев-то?

-- Хозяин выбежал, я начал запирать окна и двери, Тарнеев надел пальто, повязал голову платком, схватил пистолеты и исчез. Я ужасно за него боялся; знаю, что человек безумный; да и сами посудите, зачем в чужие дела вмешиваться? Нам-то что из этого?.. Я провел мучительных два часа, беспокоился о